

Случайность. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Случайность. Владимир Владимирович Набоков

Он служил лакеем в столовой германского экспресса. Звали его так: Алексей Львович Лужин.

Ушел он из России пять лет тому назад и с тех пор, перебираясь из города в город, перепробовал немало работ и ремесел: был батраком в Турции, комиссионером в Вене, маляром, приказчиком и еще чем-то. Теперь по обеим сторонам длинного вагона лились, лились поля, холмы, поросшие вереском, сосновые перелески, - и бульон, в толстых чашках на подносе, который он гибко проносил по узкому проходу между боковых столиков, дымился и поплескивал. Подавал он с мастерской торопливостью, ловко подхватывал и раскидывал по тарелкам ломти говядины, - и при этом быстро наклонялась его стриженная голова, напряженный лоб, черные, густые брови, подобные перевернутым усам.

В пять часов дня вагон приходил в Берлин, в семь катил обратно по направлению к французской границе. Лужин жил, как на железных качелях: думать и вспоминать успевал только ночью, в узком закуте, где пахло рыбой и нечистыми носками. Вспоминал он чаще всего кабинет в петербургском доме - кожаные пуговицы на сгибах мягкой мебели, - и жену свою, Лену, о которой пять лет ничего не знал. Сам он чувствовал, как с каждым днем все скудеет жизнь. От кокаина, от слишком частых понюшек опустошалась душа, - и в ноздрях, на внутреннем хряще, появлялись тонкие язвы.

Когда он улыбался, крупные зубы его вспыхивали особенно чистым блеском, и за эту русскую белую улыбку по-своему полюбили его двое других лакеев - Туго, коренастый, белокурый берлинец, записывавший счета, и быстрый, востроносый, похожий на рыжую лису Макс, разносивший пиво и кофе по отделениям. Но за последнее время Лужин улыбался реже.

В те свободные часы, когда яркая хрустальная волна яда била его, сияньем пронизывала мысли, всякую мелочь обращала в легкое чудо, он кропотливо отмечал на листке все те ходы, что предпримет он, чтобы разыскать жену. Пока он чиркал, пока еще были блаженно вытянуты все те чувства, ему казалась необычайно важной и правильной эта запись. Но утром, когда ломило голову и белье прилипало к телу, он с отвращением и скукой глядел на прыгающие, нечеткие строки. А с недавних пор другая мысль стала занимать его. С той же тщательностью принимался он выработать план своей смерти - и кривой отмечал паденья и взмахи чувства страха и, наконец, чтобы облегчить дело, назначил себе определенный срок: ночь с первого на второе августа. Занимала его не столько сама смерть, как все подробности, ей предшествующие, и в этих подробностях он так запутывался, что о самой смерти забывал. Но, как только он начинал трезветь, тускнела прихотливая обстановка той или другой выдуманной гибели, - и было ясно только одно: жизнь оскудела вконец, и жить дальше незачем.

х х х

А первого августа, в половине седьмого вечера, в просторном полутемном буфете берлинского вокзала сидела за голым столом старуха Ухтомская, Марья Павловна, тучная, вся в черном, с желтоватым, как у евнуха, лицом. Народу в зале было немного. Мутно поблескивали медные гири висячих ламп под высоким потолком. Изредка гулко громыхал отодвинутый стул.

Ухтомская строго взглянула на золотую стрелку стенных часов. Стрелка толчком двинулась. Через минуту вздрогнула опять. Старуха встала, подхватила свой черный глянцеви́тый саквояж и шумящими, плоскими шагами, опираясь на шишковатую мужскую трость, пошла к выходу.

У решетки ее ждал носильщик. Подавали поезд. Мрачные, железного цвета, вагоны тяжело пятились, проходили один за другим. На фанере международного, под средними окнами, белела вывеска: Берлин - Париж; международный, да еще ресторан, где в окне мелькнули выставленные локти и голова рыжего лакея, - они напомнили сдержанную роскошь довоенного норд-экспресса.

Поезд стал; лязгнули буфера; длинный свистящий вздох прошел по

колесам. Носильщик устроил Ухтомскую в отделении второго класса, - для курящих, - так старуха просила. В углу у окна уже подрезывал сигару господин с нагим оливковым лицом, в костюме цвета мэкинтоша.

Марья Павловна расположилась напротив. Медленным взглядом проверила, все ли вещи ее на верхней полке. Два чемодана, корзина. Все. И на коленях глянцеви́тый саквояж. Строго пожевала губами.

Ввалилась чета немцев, шумно дыша.

А за минуту до отхода поезда вошла дама, молодая,

большим накрашенным ртом, в черной плотной шляпе, скрывающей лоб. Устроила вещи и ушла в коридор. Господин в оливковом пиджаке посмотрел ей вслед. Она неумелыми рывками подняла раму, высунулась, прощаясь с кем-то. Ухтомская уловила лепет русской речи.

Поезд тронулся. Дама вернулась в купе. На лице еще "медлила улыбка, погасла, лицо стало сразу усталым. Мимо окна плыли задние кирпичные стены домов; на одной была реклама: исполинская папироса, словно набитая золотой соломой. В лучах низкого солнца горели крыши, мокрые от дождя. Марья Павловна не выдержала. Мягко спросила по-русски:

- Вам не помешает, если положу саквояж сюда?..

Дама встрепенулась: - Ах, пожалуйста...

Оливковый господин в углу напротив одним глазом глянул на нее через газету.

- А я вот еду в Париж, - сообщила Ухтомская, легко вздохнув. - Там у меня сын. Боюсь, знаете, оставаться в Германии.

Вынула из саквояжа просторный платок, крепко им потерла нос - слева направо и обратно.

- Боюсь. Говорят, революция тут будет. Вы ничего не слыхали?

Дама покачала головой. Подозрительным взглядом окинула господина с газетой, немецкую чету.

- Я ничего не знаю. Третьего дня из Петербурга приехала. Пухлое, желтое лицо Ухтомской выразило живое любопытство. Поползли вверх мелкие брови.

- Да што вы!..

Дама сказала быстро и тихо, все время глядя на носок своего башмачка;

- Да. Добрый человек вывез. Я тоже теперь в Париж. Там у меня родственники.

Стала снимать перчатки. С пальца скатился золотой луч - обручальное кольцо. Она поспешно его поймала. - Вот, кольцо все теряю. Руки, что ли, похудели. Замолчала, мигая ресницами. В окно, сквозь стеклянную дверь в проход видать было, как взмывают ровным рядом телеграфные струны. Ухтомская пододвинулась к даме:

- А скажите, - шумным шепотом спросила она, - ведь им-то теперь... плохо? А?

Черный телеграфный столб пролетел, перебил плавный взмах проволок. Они спустились, как флаг, когда спадает ветер. И вкрадчиво стаАи подниматься опять... Поезд шел быстро между воздушных стен широкого, золотистого вечера. В отделеньях, где-то в потолке, потрескивало, дребезжало, словно сыпался дождь на железную крышу. Немецкие вагоны сильно качало. Международный, обитый внутри синим сукном, шел глаже и беззвучнее остальных. В ресторане трое лакеев накрывали к обеду. Один, с серой от стрижки головой и черными бровями, вроде перевернутых усов, думал о баночке, лежащей в боковом кармане. То и дело облизывался и потягивал носом. В баночке - хрустальный порошок фирмы Мерк. Он раскладывал ножи и вилки, вставлял в кольца нераспечатанные бутылки - и вдруг не

Случайность. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru выдержал. Растерянной, белой улыбкой окинул рыжего Макса, спускавшего плотные занавеси, – и бросился через шаткий железный мостик в соседний вагон. Заперся в уборной. Осторожно рассчитывая толчки, высыпал холмик белого порошка на ноготь большого пальца, быстро и жадно приложил его к одной ноздре, к другой, втянул, ударом языка слизал с ногтя искристую пыль, пожмурился от ее упругой горечи, – и вышел из уборной пьяный, бодрый, – голова наливалась блаженным ледяным воздухом. Он подумал, переходя между кожаных гармоник обратно в свой вагон: вот сейчас легко умереть. Улыбнулся. Лучше подождать до ночи. Жаль было сразу прервать действие упоительного яда. – Давай талоны, Гуго. Пойду раздавать. – Нет, пойдет Макс. Макс это делает быстрее. Держи, Макс. Рыжий лакей сжал в веснушчатом кулаке книжечку билетов. Как лиса, скользнул между столиков. Прошел в голубой коридор международного. Вдоль окон отчаянно взмывали пять отчетливых струн. Небо меркло. В купе второго класса старуха в черном платье, похожая на евнуха, дослушала, тихо окая, рассказ о далекой, убогой жизни. – А муж ваш – остался? Дама широко распахнула глаза.

– Нет. Он давно за границей. Так уж случилось. В самом начале он поехал на юг, в Одессу. Ловили его. Я должна была ехать туда, да не выбралась вовремя...

– Ужасы, ужасы. И что же – вы ничего не знаете о нем?

– Ничего. Помню, решила, что он умер. Кольцо стала носить на груди. Боялась, и кольцо отнимут. А в Берлине знакомые сказали, что он жив, что кто-то видел его. Вот, объявление поместила вчера в газете.

Дама торопливо вынула из потрепанной шелковой сумочки свернутый газетный лист.

– Вот, смотрите...

Ухтомская надела очки, прочла: "Елена Николаевна Лузина просит откликнуться своего мужа, Алексея Львовича".

– Лужин? – сказала Ухтомская, отцепляя очки. – уж не Льва ли Сергеевича сын? Двое у него было. Не помню, как звали...

Елена Николаевна светло улыбнулась:

– Как хорошо... Вот это, право, неожиданно. Неужели вы знали его отца?

– Да как же, как же, – самодовольно и ласково заговорила Ухтомская. – Лев Сергеевич... Бывший улан... Усадьбы наши были рядом. В гости приезжал.

– Он умер, – вставила Елена Николаевна. – Слышала, слышала. Царство ему небесное... С борзой всегда приходил. А мальчиков плохо помню. Я сама восемь лет как за границей. Младший как будто беленький был... заикался...

Елена Николаевна улыбнулась опять.

– Да нет, это старший...

– Ну, так я спутала, милая, – мягко сказала Ухтомская. – Память плоха. И Левушку Лузина не вспомнила бы если б сами не назвали. А теперь все помню. Вечерком чай пил у нас. Вот, я вам скажу...

Ухтомская слегка придвинулась и продолжала – ясно, слегка певуче, без грусти, будто знала, что говорить о хорошем можно только хорошо, по-доброму, не досадуя на то, что оно исчезло:

– Вот... Тарелки были у нас. Золотая, знаете, каемка, а посерединке – по самой серединке – комар, ну, совсем настоящий... Кто не знает, непременно захочет смахнуть...

Дверь в отделение отворилась. Рыжий лакей предлагал талоны на обед. Елена Николаевна взяла. Взял и оливковый господин, сидевший в углу и с некоторых пор все пытавшийся поймать ее взгляд.

– А у меня – свое, – сказала Ухтомская, – ветчина, сдобная булка...

Случайность. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru Рыжий лакей обежал все отделенья. Просеменил назад в вагон-ресторан. Мимоходом подтолкнул локтем стриженного, белозубого, стоявшего с салфеткой под мышкой на площадке. Тот блестящими тревожными глазами посмотрел вслед Максу. Он чувствовал во всем теле прохладную, щекочущую пустоту как будто вот-вот сейчас все тело чихнет, вычихнет душу. В сотый раз воображал он, как устроит свою смерть. Рассчитывал каждую мелочь, словно решал шахматную задачу. Думал так: выйти ночью на станции, обогнуть неподвижный вагон, приложить голову к щиту буфера, когда другой вагон станут придвигать, чтобы прицепить к стоящему. Два щита стукнутся. Между ними будет его наклоненная голова. Голова лопнет, как мыльный пузырь. Обратится в радужный воздух. Нужно будет покрепче стать на шпалу, покрепче прижать висок к холодному щиту...

- Не слышишь, что ли? Пора идти звать. Он испуганно улыбнулся коренастому Гуго и пошел через вагоны, пошатываясь, откидывая дверцы на ходу, громко и торопливо выкрикивая: "К обеду! к обеду!".

В одном отделенье он мельком заметил желтоватое, полное лицо старухи, развертывающей бутерброд. Это лицо показалось ему необыкновенно знакомым. Спеша обратно через вагоны, он все думал, кто бы это могла быть. Точно уже видел ее во сне. Чувство, что вот-вот чихнет тело, теперь стало определеннее: вот-вот, сейчас вспомню. Но чем больше он напрягал мысли, тем раздражительнее ускользало воспоминанье. Вернулся в столовую хмурый. Раздувал ноздри. Горло сжимала спазма. Не мог переглотнуть.

- А ну, черт с ней... Какие пустяки...

По коридорам стали проходить, шатаясь, придерживаясь за стенки, пассажиры. В потемневших стеклах уже залоснились отраженья, хотя была еще видна желтая, тусклая полоса заката. Елена Николаевна с тревогой заметила, что оливковый господин выждал, пока она сама не встанет, и только тогда встал тоже. У него были неприятно выпуклые глаза, стеклянные, налитые темным йодом. По проходу он шел так, что чуть не наступал на нее, - и когда ее шарахало в сторону - вагоны сильно качало, - то многозначительно покашливал. Ей почему-то вдруг показалось, что это шпион, доносчик, и знала, что глупо так думать - не в России же она, - и все-таки думала так... Уж слишком потрепало душу за последнее время.

Он сказал что-то, когда они проходили по коридору спального. Тогда она ускорила шаг. По тряскому мостику перешла на площадку ресторана, следующего за международным. И тут, внезапно, с какой-то грубой нежностью господин взял ее за руку повыше локтя.

Она едва не вскрикнула и так сильно дернула руку, что пошатнулась.

Господин сказал по-немецки, с иностранным выговором:

- Мое сокровище...

Елена Николаевна круто повернула. Пошла обратно - через мостик, через международный, опять через мостик. Ей было нестерпимо обидно. Лучше вовсе не обедать, чем сидеть против этого чудовищного нахала. Принял ее Бог знает за кого. Только потому, что она красит губы... - Что вы, голубушка?.. Не идете обедать? Ухтомская держала бутерброд. Из-под хлебного ломтя, как розовый язык, торчал кусок ветчины.

- Не пойду. Расхотелось. Простите меня - я буду спать.

Старуха удивленно подняла тонкие брови. Потом продолжала жевать.

А Елена Николаевна откинула голову и притворилась, что спит. Вскоре она и впрямь задремала. Бледное, утомленное лицо ее изредка подергивалось. Крылья носа, там, где сошла пудра, блестели. Ухтомская закурила папиросу с длинным картонным мундштуком.

Спустя полчаса вернулся оливковый господин, невозмутимо сел в угол свой, покопал зубочисткой в задних зубах. Потом прикрыл глаза, поерзал, занавесил голову подолом пальто, висевшего на крюке у окна. Еще через полчаса поезд замедлил ход. Прошли, как призраки, фонари вдоль запотевших окон. Вагон остановился, протяжно и облегченно вздохнув. Стало слышно, как кто-то кашляет в соседнем отделении,

Случайность. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru как побегают шаги по платформе. Поезд простоял долго – по-ночному перекликались далекие свистки, – потом раскачнулся, двинулся.

Елена Николаевна проснулась. Ухтомская дремала, открыв черный рот. Немецкой четы уже не было. Господин с лицом, покрытым пальто, спал тоже, уродливо раскоряча ноги.

Она облизала запекшиеся губы. Устало приложила руки ко лбу. И вдруг вздрогнула: с четвертого пальца исчезло кольцо.

Мгновенье она неподвижно глядела на свою голую руку. Затем, с бьющимся сердцем, растерянно и торопливо стала шарить по сиденью, по полу. Глянула на острое колено господина.

– Ах, Господи, конечно... На площадке ресторана... Когда руку отдернула...

Она выскочила из купе; шатаясь, сдерживая слезы, быстро дыша, побежала по проходам... Один вагон... второй... спальный... мягкий ковер... Дошла до конца международного и сквозь заднюю дверь увидела – просто – воздух, пустоту, ночное небо, черным клином убегающий путь.

Она подумала, что спутала, не в ту сторону пошла... Всхлипнув, повернула назад.

Рядом, у двери уборной, стояла старушка – в сером переднике, с повязкой на рукаве – похожая на сиделку. Держала ведро, в нем торчала кисть.

– Отцепили, – сказала старушка и почему-то вздохнула, – в Кельне другой будет.

х х х

В вагоне-ресторане, оставшемся под сводами дремучего ночного вокзала, лакеи убрали, подметали, складывали скатерти. Лужин, кончив работу, вышел на площадку и встал в проеме двери, опираясь боком на косяк. На вокзале было темно и пустынно. Поодаль сквозь матовое облако дыма влажной звездой лучился фонарь. Чуть блестели потоки рельс. И почему его так встревожило лицо той старухи, – он понять не мог. Все остальное было ясно, – только вот это слепое пятно мешало.

Рыжий, востроносый Макс вышел на площадку тоже. Подметал. В углу заметил золотой луч. Нагнулся. Кольцо. Спрятала жилетный карман. Юрко огляделся, не видел ли кто. Спина Лужина в проеме двери была неподвижна. Макс осторожно вынул кольцо; при смутном свете разглядел прописное слово и цифры, вырезанные снутри. Подумал: "По-китайски...". А на самом деле было: "1 августа 1915 г. Алексей". Сунул кольцо обратно в карман. Спина Лужина двинулась. Он не торопясь сошел вниз. Прошел наискось через темную платформу к соседнему полотну – покойной, свободной походкой, словно прогуливался.

Сквозной поезд влетал в вокзал. Лужин дошел до края платформы и легко спрыгнул. Угольная пыль хрустнула под каблуком.

И в тот же миг одним жадным скоком нагрянул царовоз. Макс, не понимая, видел издали, как промахнули сплошной полосой освещенные окна.

22 июня 1924 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!